

Надгробье с изображением рыбака в парусной лодке

Ткут полотна страданья, скрещаясь, стихии;
правит сила, вещает обман.

Удят в море скитания судьбы людские
сквозь ночей темноту и туман.

Был мне домом корабль,
крепкий парус – покровом;
рыбок стаи взлетали, блестя, над волной.

Лишь уплыв навсегда,
может, в странствии новом
я узнаю, что было со мной.

Стела девочки с птенцом горлицы из Калликратии

В Калликратии, где отец мой, и мама, и братья,
мой бежал ручеек, полноводнее день ото дня.
Но однажды несмелые любящие объятья,
разомкнувшись, как птицу, не удержали меня.

Стела трагического актера, изображенного в доспехах, – воину

Марк Вариний Арэскол, актер, я в доспехах из меди
здесь представлен; не сочти за насмешку сего.
Ты – металла лишь гром на арене трагедий;
я же – правды божественное торжество.

Глиняная статуэтка Афродиты, рождающейся из раковины, – Лаиде

Я, красноглиняная подруга,
спутница в вечность, Лаида, тебе,
ныне ушедшей из тесного круга
женских забот по блаженной тропе,

где Мнемозины источник хрустальный,
где кипарис, где Лаиде теперь

в таинстве брачном и погребальном
истины приоткрывается дверь,

я, жемчугов чистоты ожерелье,
девственной раковины рождена,
я, разделенных друг к другу движенье,
перво-Желание, перво-Жена,

я, чьи бесчисленны древние лики,
ласковых рук простираю лучи
к богоневесте, сестре, Эвридике,
Коре, Семеле, я жизни ключи,

видишь, держу на ладони, сверкая,
белый даря и божественный свет,
в землю, как в раковину, укрывая
жемчуг твоих девятнадцати лет.

Посвятительная надпись Исиде с благодарностью Домне Цецилии от женщин, освобожденных ею от рабства

*...Я положила необходимостью, чтобы мужья любили жен;
Я соделала справедливость сильнее золота и серебра;
Я установила, чтобы истину считали благом...*

Пусть Домны Цецилии дело – на камне
под звонким резцом воспоют имена
отныне свободных! Пусть память веками
ее не умолкнет, пусть будет полна

кладовка – вином, а подвалы – пшеницей,
а сердце – любовью, а радостью – дом!
Пусть будет желанною, пусть колосится,
как колос на Ниле, а в мире ином

твоею рукой ей отмерено будет,
богиня, той мерой – как знают о ней
сухие глаза говорящих орудий,
отныне обретшие души людей.

Портрет Августы Галерии Валерии на триумфальной арке, после ее казни переделанный в образ благой судьбы города Фессалоники

С арки Триумфа – прошлые лица
резвые стесывают резцы.
Профилю мертвой императрицы –
новый венец; крепостные зубцы

верх украшают честного убора,
лучшей судьбой наделяя его:
уж не царица – но царственный город,
больше не смертная – но божество!

И под покровом столетий крещеных,
под полумесяцем злые века
женскою жертвою освященных
стен не разрушит мужская рука.

Будь же пронизано светом великим,
ярким лучом благосклонных небес,
имя победы, Фессало-Ники,
волн средиземных стремительный блеск!

Золотой венок в виде цветущей миртовой ветви из курганов Пидны

Это шорох чеканных листов говорит
в плесневелую пустоту:
нету нужды в металле сходящим в Аид,
кроме только обола во рту.

Но воздень на умершего звонкий венок,
чтоб, когда он коснется кудрям,
чистый звук расставанья ты чувствовать мог,
и горела слеза, и морской ветерок
искры гнал по бегущим волнам.